

Глава 1

Мясо с кровью, мозги, кишки, моча — из этого состоит человек. Все это, в идеале, скреплено костями, обтянуто кожей, упаковано в одежду, вписано в ритм нормальной — когда вялой, когда бурной — жизни. Но ситуация в любой момент может выйти из-под контроля, упаковку может порвать автокатастрофа, землетрясение... Да все что угодно.

Ситуацию в квартире тридцать один взорвал человеческий фактор. У кого-то сорвался с цепи жаждущий крови нож. Сорвался, напился, наелся и куда-то исчез, а в доме остались только трупы. Один покойник лежал в гостиной с перерезанным горлом и выбитым глазом, а в спальне на полу валялся толстяк с распоротым брюхом. Третьего нашли в ванной. Этого истыкали ножом, щека порезана, ухо располосовано; раны на шее, на груди, на животе, и мочевого пузырь проколот. А еще на ладонях глубокие порезы — видно, потерпевший хватался за нож.

— Твою мать!

Лейтенант Шукин крепился, крепился, но на третьем покойнике нервы сдали. Желудок вывернуло наизнанку, и, не подумав, Шукин шагнул в ванную и выблевался в рукомойник. Только затем понял, что наступил в лужу крови, смешанную с мочой. И еще ногой зацепил руку покойника. Видимо, ему показалось, что труп схватил его за щиколотку. Лейтенант рванул назад, поскользнулся, но Артем поймал его, удержал, и ему за это щедро воздалось. Шукина снова вывернуло наизнанку, крупные капли попали на полу пиджака, а мелкие брызнули в лицо.

— Держи себя в руках, — только и сказал Артем.

Он сам когда-то был новичком: ему знакомы рвотные позывы с видом на труп. Он-то в свое время сдержался, но тогда и покойник был всего один, и всего лишь болтался в петле под потолком. А здесь море крови, горы плоти... Блин, ему самому, честно говоря, не по себе.

Мама с детства учила его иметь при себе чистый носовой платок, а лучше два. Если один испачкать, второй останется чистый. Мама всегда давала их ему в школу. Мамы больше нет, а правило осталось — в кармане всегда два чистых платка. Для оперативника это особо важно, потому что в них всегда можно завернуть улику.

Артем достал из кармана платок, вытер лицо. И вдруг понял, что ему нужно на свежий воздух,

иначе его самого вывернет. Но полегчало уже на лестничной площадке. Он уже собирался было зайти обратно, когда на лестнице послышались уверенные шаги. Оцепления как такового еще не выставили, но патрульно-постовая служба уже на месте: один сотрудник — в квартире, второй — возле машины. Возможно, по лестнице поднимался второй патрульный. Или житель дома.

Артем увидел парня с черными, жесткими как проволока волосами. Стрижка короткая, но это не мешало волосам скручиваться в мелкие кудряшки. Массивная голова, сильная шея, широкие плечи. Высокий, спортивного сложения, худощавый. В кожаной куртке. На дворе начало лета, даже в пиджаке уже тепло, а тут кожаная куртка, причем застегнутая. Возможно, тридцать первая квартира использовалась как наркоприют? Если так, то Артем сейчас мог иметь неприятное дело с оголодавшим торчком. Законченные наркоманы мерзнут даже летом. И еще они стараются носить одежду с длинными рукавами.

Кучерявый заметил Артема, остановился, с озадаченным видом взглянул на дверь.

— А сто восемьдесят шестая квартира в этом доме?

Голова у парня крупная, а лицо маленькое, к тому же вытянутое. Как будто кто-то взял размякшее лицо пальцами, вытянул его, дождался, когда оно затвердеет, и отпустил. Нос деформи-

ровался и вытянулся, к тому же сместился влево, а рот слегка скошен вправо и вверх. Приподнялось все: и надбровья, и нос, и губы, а вот глаза остались на месте. Маленькие глаза, глубоко посаженные — как головы пулеметчиков в амбразурах дзота. Взгляд — пулеметы, глаза — головы. Пулеметы молчали, а головы думали, хотя и недостаточно быстро.

— В этом доме нет сто восемьдесят шестой квартиры.

— Значит, другой дом... — одними губами улыбнулся подозрительный тип.

И быстро повернул назад. Артем рванул за ним.

— Пойдем, я тебе восемьдесят шестую квартиру покажу.

Но кучерявый уже разогнался, перескакивая через ступеньки.

— Стоять! Полиция! — громко крикнул Артем.

Он надеялся, что патрульный находится в подъезде, но сержант стоял возле машины, с кем-то увлеченно трындел по телефону. Да и парень кучерявый вовсе не собирался бежать к нему в руки. Выскочив из подъезда, он резко свернул вправо и со всех ног побежал вдоль дома.

— Стоять!

Артем крикнул во все горло, но патрульный даже не шелохнулся.

К длинным ногам, как оказалось, прилагалась мощная дыхалка. Кучерявый бежал быстро, не сбавляя темп. Очень скоро Артем усомнился в своих возможностях. А он должен был взять беглеца, даже если это случайный человек. Ему брошен вызов, нельзя ударить в грязь лицом.

А кучерявый чувак шел по прямой. Дорога между домами не петляет, асфальт под ногами твердый — идеальные условия для разгона. Парень вошел в ритм, шаг у него широкий, ровный — нужно было семь пядей во лбу, чтобы догнать. Или второе дыхание в легких.

Артем тоже умел бегать. Ноги у него не короткие, сильные; легкие тренированные, не прокуренные. Но сократить расстояние до беглеца никак не удавалось. Возникло вдруг ощущение, что бежишь на месте. Ощущение, сопряженное с чувством нарастающего отчаяния.

Навстречу шли люди, но никто и не думал останавливать беглеца. Где-то вдалеке по улице проехала полицейская машина, но во дворы не свернула. Прошуршала мимо, оставив Артема бороться в одиночестве.

Чувство безнадеги росло по мере того, как увеличивалось расстояние между беглецом и преследователем. А впереди — на перекрестке двух дорог — стояли какие-то парни. На плече у одного — спортивная сумка. И сам он спортивного вида, рослый, плотный. И остальные

ему под стать. Возможно, на первом этаже дома есть фитнес-клуб, и качки могли собраться перед тренировкой. Или после.

Артем и хотел крикнуть им, чтобы они задержали беглеца, но сдержал порыв. Не хотел, чтобы его подняли на смех. Да и дыхание нужно было экономить.

Подозреваемый беспрепятственно проскочил мимо атлетов, не реагировали парни и на самого Артема. Стояли с меланхоличным чувством собственного достоинства, небрежно перебрасывались фразами. Действительно, все трое физически развитые, пышущие здоровьем. Чистенькие, тепличные... От них не разило спиртным, не веяло агрессией. Но именно такие домашние мальчишки убили его, Артема, маму. Она всего лишь сделала им замечание, а один урод выстрелил в нее из «травмата». Ей хватило...

Артем пробегал мимо тройцы на пределе сил, но все же уловил опасное движение. Парень со спортивной сумкой на плече резко вдруг подался к нему и выбросил ногу. Артем хотел перескочить через подножку, даже подпрыгнул, но ему не хватило сил, а вместе с тем и высоты. Он зацепился за ногу, скорость выбила его из равновесия, но еще можно было смягчить падение.

Артем поймал себя в воздухе, сгруппировался, мягко упал на обе руки, слегка напряженные и согнутые в локтях. И чтобы гасить силу инер-

ции не лицом, а плечом, удачно завалился на бок. Но ладони об асфальт он «обжег» и пиджак на локте ободрал.

Он не залеживался, поднялся, рванул за беглецом, но тот уже садился в такси. Артем понимал, что не успевает, но все равно продолжал бежать. И, прежде чем автомобиль тронулся с места, успел считать и запомнить регистрационный номер. Только тогда он повернул назад.

Доморощенные атлеты стояли на прежнем месте. И совершенно не обращали внимания на Артема. Вернее, делали вид. Спокойные, тихие. Не курят, матом не ругаются, не харкают себе под ноги, занимаются спортом — чуть ли не образец для подражания.

Но так и Артем не какой-то отморозок. Элитное воспитание, высшее образование, капитан полиции, старший оперуполномоченный уголовного розыска, масса раскрытых дел. Он умел подавлять эмоции, сдерживать порывы. К тому же знал себе цену, поэтому ему все равно, что думают о нем эти кретины. У него важное дело, нужно как можно скорее возвращаться на место, сейчас он просто пройдет мимо этих тихих подлецов и уже к вечеру забудет о них.

Да, он пройдет мимо, а эти домашние мальчики захотят испытать на ком-то травматический или даже настоящий пистолет. А может, они ударят ножом женщину, которая будет

проходить мимо, или просто забьют ее ногами. Безнаказанность порождает беззаконие, и это не пустые слова.

И, вообще, с каких это пор капитан Олегов стал проходить мимо отмороzków? Разве не для того он служит в полиции, чтобы бороться с беспределом на улицах? Для того он и пошел в уголовный розыск, чтобы уничтожать преступность. Именно уничтожать. Как преступность уничтожила маму!..

Качки демонстративно не замечали его, но Артем уже взял их на прицел.

— Капитан полиции Олегов.

Он в упор смотрел на парня со спортивной сумкой на плече. Лицо сытое, щеки розовые, зубы ровные, белые, как будто из фарфора. Брендový спортивный костюм, дорогие кроссовки, на руке модный фитнес-браслет. Черная с белыми полосками куртка расстегнута, под ней обтягивающая футболка — видно, как бугрятся грудные мышцы, «кубики» на животе угадываются.

— Не капитан. Не полиции. Не Олегов. — Розовощекий спокойно смотрел на него.

Он ничуть не сомневался в своей неуязвимости. Он ставил подножку потенциальному преступнику, так его адвокат и скажет, когда дело дойдет до официального разбора. А если Артем применит силу, будет все — и адвокат, и служеб-

ное расследование; возможно, дело дойдет до суда. Он все понимал, но остановиться уже не мог. Да и не хотел. Ну, нравилось ему воспитывать всякого рода моральных уродов!

— Молодой человек, вы сорвали задержание опасного преступника.

Артем еще сдерживал себя, но уже предвкушал момент, когда размажет по асфальту этого самодовольного болвана.

— Срывают целку.

Умник продолжал изображать невозмутимость, но его дружки даже не пытались прятать ухмылки. Один лопухий, с вытянутым как у суслика лицом, другой с бородкой, под которой скрывались крупные прыщи.

— Не вижу раскаяния, — качнул головой Артем.

— Будет. Если возьмешь у меня пресс-конференцию... Кстати, для микрофона ты плохо покрашен. И губки не подкачаны. Не быть тебе генерал-майором!

— Главное, что у тебя язык накачан.

Увы, но Артему нечем было крыть. С недавних пор в МВД генеральские звания стали присваивать женщинам — за красивые губки. А простые опера плохо покрашены, им выше полковника не подняться. Народу весело, а сотрудникам не очень.

— А с прессом что?

— Да, да, микрофон под прессом, — ухмыльнулся комнатный герой.

— С капитаном полиции разговариваешь.

Парень пренебрежительно фыркнул. Артем не производил на него впечатления внешностью. Среднего роста, худошавый, рукава пиджака под напором бицепсов не лопаются. Такого обухом перешибить можно.

Артем ударил точно в «солнышко». Подкараулил острослова на вдохе и ударил с такой силой, как будто его живот защищен был крепкими силикатными кирпичами.

От боли парень просел в коленях, глаза полезли на лоб.

— Эй, ты чего?

Прыщавый отошел в сторонку, не желая впутываться в историю, а лопухий положил руку на плечо Артему, собираясь развернуть его к себе лицом.

Лопухий видел, что произошло с его другом, поэтому готов был к удару. И свободную руку на изготовку поставил, и мышцы напряг. Он и удар готов был отбить, и борцовский прием провести, но все же попал впросак. Артем ударил его локтем под руку, без всякого сожаления проверяя ребра на прочность. А затем занялся и самой рукой — провел захват и выкрутил ее за спину. К этому времени в себя пришел умник, он размахнулся для удара, но Артем ударил

его ногой под пресс. Чтобы нечем было срывать целки.

— А мне уже пора! — сказал прыщавый.

Он пятился, разворачиваясь на ходу. Артем толкнул на него лопоухого. Толкнул с такой легкостью, как будто этот мешок был набит не дерьмом, а соломой.

— «Грушу» возьми! Потренируешься!

Лопоухий упал на колено, едва не сбив с ног прыщавого.

— Ты уже не капитан!.. — сквозь зубы простонал умник. — Ты еще узнаешь!..

Артем кивнул и повел плечом, изображая подготовку к удару. Умник дрогнул и, придерживая руками отбитое хозяйство, сдал назад. Отступал и прыщавый, не было у него желания возвращаться за добавкой.

— Жалуйся, — кивнул Артем. — Только на глаза мне больше не попадайся.

Не страшно, если дело дойдет до суда. В личном обществе за удовольствие принято платить.

* * *

Москва, июнь, сырой ветер, ненастное небо. Но ничего, завтра Миша отправляется в настоящее лето — в субтропики на берегу Черного моря. Курортный поселок, галечный пляж, солнце, чайки. И девочки — жена и ее сестра. Если